

Вскоре привезли просторную деревянную купель, а также заготовили в избытке все три вида чистой воды.

Забрав нужные лекарственные травы, Сы Уцзюэ поднялся на второй этаж и направился в спальню Янь Тинцзюня. Старейшины семьи уже ушли отдыхать, так что Янь Чуаньюнь остался помогать доктору, исполняя роль подручного.

Сначала бочку наполнили водой. Сы Уцзюэ лично проверил температуру и лишь после этого начал поочередно засыпать целебные корни и травы.

Минуты через три из купели потянулся тонкий, удивительно свежий аромат. Этот запах был настолько глубоким и умиротворяющим, что Янь Тинцзюнь и Янь Чуаньюнь невольно бросили на исходящую паром воду несколько долгих взглядов.

Когда в воду опустилась последняя щепотка снадобья, Сы Уцзюэ повернулся к Янь Тинцзюню:

— Раздевайтесь донага и залезайте.

Янь Тинцзюнь на секунду замялся. Снимать с себя абсолютно все в присутствии племянника солидному человеку казалось делом неловким. Янь Чуаньюнь прекрасно понял причину этого замешательства, но уходить не спешил: края у деревянной купели были высокими, а здоровье старшего дяди оставляло желать лучшего. Тот мог попросту оступиться. Сделав вид, будто ничего не заметил, Чуаньюнь подошел ближе и бережно придержал дядю под локоть, помогая ему перешагнуть через высокий бортик.

«Какое облегчение», — мысленно выдохнул Янь Тинцзюнь.

«Не окажись здесь племянника, я бы и впрямь не сумел забраться внутрь самостоятельно. На помощь этого лекаря рассчитывать явно не приходилось — Сы Уцзюэ совершенно не похож на человека, готового бережно опекать пациентов. Случись такое, неловкость была бы куда сильнее».

Вода в бочке показалась Тинцзюню нестерпимо горячей, кожа мгновенно покраснела. Он почувствовал сильный дискомфорт, но возразить не посмел и, повинувшись короткому кивку лекаря, медленно опустился на самое дно.

Горячий, пахнувший травами настой поднялся ему до самой груди.

— Найди крепкого телохранителя, — ровным тоном распорядился Сы Уцзюэ.

Янь Чуаньюнь на секунду растерялся, но быстро сориентировался и велел дежурившему у дверей управляющему немедленно позвать ординарца, молодого охранника Сяо Чжоу.

Сяо Чжоу было всего двадцать семь лет. Прошедший суровую армейскую школу спецподготовки, он являлся универсальным бойцом и надежным защитником семьи Янь.

Сы Уцзюэ велел парню снять форменный китель и закатать рукава повыше.

— У него слишком зажаты мышцы, нужно их размять, чтобы лекарство проникло глубже. Я покажу движения лишь один раз, так что смотри внимательно и запоминай.

Сяо Чжоу мгновенно подобрался, взволнованно кивнул и вперил взгляд в руки лекаря.

Брезгливость лекаря, судя по всему, не преувеличивали — Сы Уцзюэ натянул плотные длинные перчатки, закрывавшие руки почти до плеч, и лишь после этого погрузил ладони в воду, показывая правильную технику массажа.

Как и обещал, Сы Уцзюэ продемонстрировал прием лишь единожды. Поначалу движения ординарца выходили неуклюжими, но под холодным, точечным руководством мастера он быстро приноровился и стал действовать вполне уверенно.

— Он не хрустальный, не сломается, — сухо бросил лекарь. — Можешь приложить силу. От этого еще никто не умирал. Держи этот темп и нажим. И вот здесь, у лопаток. Разминая узлы, налегай основанием ладони. Да, именно так.

Благодаря точным подсказкам Сы Уцзюэ Сяо Чжоу быстро довел движения до автоматизма. Вот только для самого Янь Тинцзюня эта процедура превратилась в настоящую пытку. Мышцы горели, боль была настолько острой, что хотелось закричать в голос. Лишь железная закалка и невероятное самообладание помогали министру сдерживаться — он лишь беззвучно хрипел, до хруста сжимая зубы.

Когда процедура наконец завершилась и Янь Тинцзюня извлекли из купели, он чувствовал себя выжатым как лимон. Несмотря на то, что разминали его самого, сил не осталось даже на то, чтобы стоять на ногах. Двое слуг бережно вытерли его насухо и помогли натянуть легкие шорты — надевать что-либо еще Сы Уцзюэ категорически запретил.

Сяо Чжоу тоже взмок от усердия. Лекарь небрежно махнул ему рукой:

— Свободен. Завтра повторишь.

Тот молча поклонился, коротко кивнул Янь Чуаньюню и тихо покинул спальню.

Слуг тоже выпроводили за дверь. В комнате остался лишь Янь Чуаньюнь, готовый по первому слову выполнить любое новое поручение Сы Уцзюэ.

Сы Уцзюэ велел пациенту лечь ничком на кровать и развернул кожаный свиток с тонкими серебряными иглами. Движения его рук были ошеломляюще стремительными и выверенными — он наносил удары в акупунктурные точки, словно не глядя, единым, непрерывным росчерком. Янь Чуаньюнь моргнуть не успел, как спина его дяди, от затылка до самого копчика, покрылась стройным частоколом из тончайшего серебра. Несколько игл лекарь вонзил и в занемевшие бедра Тинцзюня.

— Сейчас ты ничего не чувствуешь, — невозмутимо произнес Сы Уцзюэ, отступая на шаг. — Через десять минут начнется легкое жжение. Через пятнадцать — боль станет сильной. Терпи. Ровно через двадцать минут я сниму иглы.

Янь Тинцзюнь, уткнувшись лицом в подушку, глухо выдавил:

— Хорошо, я понял.

Спустя десять минут под кожу словно плеснули кипятком. Тело Янь Тинцзюня непроизвольно напряглось. Еще через пять минут тупая ноющая боль начала стремительно нарастать, превращаясь в невыносимые уколы раскаленного железа. На лбу мужчины выступила крупная испарина.

Сы Уцзюэ скользнул по нему равнодушным взглядом и язвительно заметил:

— Неженка. Подумай о том, что через год тебя ждет мучительная смерть на больничной койке. На фоне этого нынешняя боль — сущая ерунда. Почаще вспоминай о могиле, и терпеть станет гораздо легче.

Янь Чуаньюнь лишился дара речи.

Янь Тинцзюнь тоже промолчал, содрогаясь от боли.

Чуаньюнь невольно проникся сочувствием к старшему дяде. За всю жизнь никто не смел разговаривать с влиятельным министром Янем в столь дерзком, почти издевательском тоне. Но сейчас Тинцзюню оставалось лишь молча сносить любые уколы — как серебряные, так и словесные.

Последние пять минут показались Тинцзюню вечностью. Он до боли в челюстях вгрызся в край подушки. Когда Сы Уцзюэ наконец начал ловко, одну за другой, извлекать серебряные иглы, министру показалось, будто его душу только что выволокли из самого глубокого круга преисподней.

— На сегодня все, — Сы Уцзюэ убрал инструмент в ларец. — Твой разум очистится, и ты выступишь. Продолжим завтра.

«Хороший сон?» — Янь Тинцзюнь горько усмехнулся про себя.

«С тех пор как у меня диагностировали рак, спокойные ночи остались в далеком прошлом. Постоянная тупая боль в груди, мучительные последствия лучевой терапии, онемевшие, вечно ноющие ноги, которые сводило судорогой... Я привык просыпаться в холодном поту по несколько раз за ночь. Полноценный отдых стал для меня недостижимой роскошью».

Но вопреки всем сомнениям, эта ночь принесла долгожданное избавление. Когда на следующее утро Тинцзюнь открыл глаза и бросил взгляд на часы, показывавшие половину восьмого, он оцепенел от изумления.

Он проспал до самого утра без единого кошмара, ни разу не проснувшись от боли или ломоты в суставах. Легкость, разлившаяся по телу, казалась почти забытым чудом. Сердце мужчины забилося в лихорадочном темпе. Но радовался он не за себя — все его мысли мгновенно устремились к больному сыну.

«Если одна-единственная процедура совершила такое со мной, со всеми моими метастазами... значит, и Янь Ханю можно помочь? Его чудовищные боли... неужели Призрачный доктор способен унять и их?»

Какое отцовское сердце не разорвется от горя, при виде мучений собственного ребенка? Когда твой сын буквально сходит с ума от непрекращающейся агонии, лишаясь сна, ты сам никогда не сможешь спать спокойно. Тинцзюнь просто держал эту разрывающую душу тревогу в себе, стараясь не подавать виду перед семьей.

Поднявшись с постели, Тинцзюнь направился в ванную. Умываясь, он бросил случайный взгляд в зеркало и замер. Ему показалось, или изможденная, землисто-серая кожа лица приобрела едва заметный здоровый румянец?

Насухо вытеревшись полотенцем, он уже собирался выйти, как вдруг входная дверь спальни тихо скрипнула — в комнату вошла его супруга, Фан Мэйюнь, которая провела всю прошлую ночь на дежурстве у постели сына в госпитале.

— О, ты уже проснулся? — устало, но ласково улыбнулась Мэйюнь, направляясь к мужу. — Как спалось? Удалось хоть немного...

Последнее слово застряло у нее в горле. Фан Мэйюнь изумленно уставилась на супруга. Его лицо не выглядело измученным болезненным недугом — перемены по сравнению со вчерашним днем бросались в глаза.

— Что-то не так? — встревожился Тинцзюнь, заметив ее замешательство.

— Ты действительно хорошо спал этой ночью? Твое лицо... ты выглядишь на удивление свежим

и полным сил. Куда делась вся эта серость?

«Значит, зеркало не соврало», — тепло улыбнулся Тинцзюнь.

Не скрывая радости, он обнял жену за плечи и принялся увлеченно рассказывать о ночном визите таинственного лекаря Сы Уцзюэ...

<http://bllate.org/book/18354/1765823>